

ехала ни к Серову, ни к самому Даргомыжскому в тот день, когда там должен был быть Серов. Серов назвал это неблагодарностью, я же назвала осторожностью. Я припомнила бы ему прежнее хорошее время, когда он с братьями Стасовыми был поклонником Глинки — он рассердился бы и мы бы поссорились.

Неблагодарною Серов называл меня оттого, что писал обо мне в фельетоне «С.-Петербургских ведомостей» за 1857 год, во время моего пребывания в Италии, — и считал меня, вероятно, обязанной ему за это. Я же была далеко, не знала об этом: писали много, еще более, в иностранных газетах. Конечно, я не скрою, что мне приятно было сочувствие такого музыкального соотечественника, и в душе я ему благодарна; но зачем же он отшатнулся от Глинки?..³

Л. И. ШЕСТАКОВА

ИЗ МОИХ ВЕЧЕРОВ

...С ним [Даргомыжским] меня познакомил брат еще в 1851 или 52 году, и, кажется, в эти годы он был у брата всего два раза, но во второй приезд наш в Петербург 1854, 55 и 56, он был у нас довольно часто, и помню, что брат прочел ему место в своих Записках, где говорится о нем нижеследующее: «Приятель мой, огромного роста капитан (теперь генерал-майор и командир полоцкого егерского полка в действующей армии) Копьев, любитель музыки, певший приятно басом и сочинивший несколько романсов, привел мне однажды маленького человека в голубом сюртуке и красном жилете*, который говорил пискливым сопрано. Когда он сел за фортепьяно, то оказалось, что этот маленький человек был очень бойкий фортепьянист и впоследствии весьма талантливый композитор, Александр Сергеевич Даргомыжский».

Брат сказал мне: «Даргомыжский обиделся, да это ничего!» Правда, он так был недоволен, что не раз после говорил при мне, что фраза о сюртуке и проч. ему очень не нравится.

В то время Даргомыжский сочинял «Русалку». Всякий раз, написав что новое, он являлся к брату и вокальные вещи исполнял своим пискливым голосом. Странная игра природы: — Даргомыжского сестра, С. С., в замужестве Степанова, была большого роста и говорила басом, а брат ее был очень мал и голос имел совсем женский, к тому же какой-то визгливый.

Впоследствии многое из «Русалки» певала у нас Л. И. Беленицына, ныне Кармалина.

Брат чрезвычайно интересовался всем написанным Даргомыжским. Не помню, бывал ли он у последнего, но я была один раз у него на музыкальном вечере; он жил тогда с отцом своим на Моховой, в доме Есакова, занимали они бельэтаж.

* Эта фраза в оригинале зачеркнута братом и потом снова подчеркнута. —
Примечание Л. И. Шестаковой.

жизни М. И. Глинки я замечала, что как будто бы Даргомыжский завидовал ему, потому что он никогда не упустил случая подсмеяться и кольнуть брата, который всегда ему замечал: «Не ехидничай, пожалуйста!»

Но после кончины Александра Сергеевича В. В. Стасовым были изданы письма его к Л. И. Кармалиной, и в них ясно высказывается его недоброжелательство: он в них приписывает такие недостатки Глинке, которых у него решительно не было; именно: говорит, что брат единственно из тщеславия испрашивал позволения посвящать свою музыку их величествам и их высочествам. Я это должна опровергнуть, как несправедливое обвинение. Правда, что брат иногда уступал просьбам других. Я знаю все вещи и почему они сочинены, и тут же выскажу: «Польский», вальс² и дуэт «Вы не придете вновь» сочинены по просьбе (покойной) Прасковьи Арсеньевны Бартеневой, фрейлины покойных государынь. Первые вещи посвящены их высочествам. На последнюю Праск. Арс. дала Глинке французские слова, прося его распорядиться о переводе их и положить на музыку; перевод сделал Петр Павлович Дубровский (о нем есть в Записках Глинки); он был профессором польского языка, ученый, но скучный³.

Только перевод был готов, брат сочинил музыку и немедленно отправил меня к Прасковье Арсеньевне отдать новый писанный экземпляр⁴ [...].

Он не был тщеславен, но гордился своей музыкой, особенно «Русланом». Брат весьма неохотно сочинял по просьбам других, он вдохновлялся и писал, когда что-нибудь приятное волновало его.

*

...В конце 1855 года Улыбышев приехал к брату моему, в сопровождении М. А. Балакирева, отрекомендовав его как хорошего пианиста, очень любившего серьезных композиторов.

Глинка попросил Балакирева сыграть что-нибудь; он исполнил свое переложение трио из «Жизни за царя» — «Не томи, родимый»; брат слушал с большим вниманием, и после долго толковал с ним о музыке.

Когда они уходили, пригласил Милия Алекс. бывать у него чаще и пожалел, что он не раньше приехал в Петербург, говоря, что весною уедет в Берлин к Дену учиться церковным тонам. Мне же сказал, что ему кажется, что Балакирев очень дельный музыкант.

Он по постоянному приглашению брата бывал у нас очень часто, и всякий раз по приходе должен был сыграть свою фантазию на «Трио», о которой я уже говорила; мне она чрезвычайно нравилась. И после брат заставлял его играть и сам играл ему многое. Так шло время до отъезда Глинки в 1856 году 25-го апреля⁵. Перед отъездом своим он сказал мне: «Наша Оля еще мала (это дочь моя, крестница и любимица брата, ей было тогда всего 4 года), но ежели я буду жив, никого не допущу музыкально развивать ее; ежели же умру, то дай мне слово, что ты никому не позволишь кроме Балакирева начать и окончить ее музыкальное образование; в первом Балакиреве я нашел взгляды так близко подходящие к моим во всем, что касается музыки. Ты можешь верить ему Олю вполне и быть покойной, что он пойдет по стопам твоего брата, и я тебе скажу, что со временем он будет второй Глинка».

...Сейчас получил я из Москвы от Юргенсона Вашу книжку о Глинке¹, развернув которую, я тотчас же попал на важную неверность:

У Вас сказано, что его тело прибыло на пароходе в Кронштадт 22 мая 1857 г., а 24-го состоялось его погребение. На самом же деле пароход «Владимир» прибыл из Штетина с телом Глинки в Кронштадт 20-го мая, т. е. в день его рождения, около 4 часов утра.

Ящик с гробом тотчас же был перенесен с парохода «Владимир» на наш пароходик, который для встречи нанят был Людмилой Ивановной, и на котором кроме ее самой находились Серов, братья Стасовы и я. В вечеру того же дня ящик с гробом был доставлен с пристани против Морского корпуса на дрогах в Лавру, а погребение состоялось на другой же день, т. е. 21 мая—в день именин Глинки. Эти замечательные совпадения дней прибытия и погребения Глинки со днями его рождения и тезоименитства оставили в моей памяти эти события неизгладимыми. Если б могли отыскаться «Петербургские ведомости» того времени, то мои показания подтвердились бы².

*

...Я с нетерпением продолжаю в свободное время чтение Вашей книжки о Глинке, присланной мне Юргенсоном, и опять наткнулся на важную неточность: на стр. 28 Вы, рассказывая о музыкальном невежестве Марии Петровны, которая не знала даже кто был Бетховен, относите этот анекдот к исполнению 7-ой симфонии. Я никогда не затрагивал в разговорах с Глинкой вопросов о его жене, но раз он сам почему-то рассказал мне, что она, увидя его расстроенного, возвратившегося с исполнения 9-й, а не 7-й симфонии, которая, впервые им услышанная, произвела на него подавляющее действие, спросила его: Миша, что с тобой?.. Ах, Бетховен!.. отвечал он.—Что он тебе сделал?..³ Ленц в своей известной книге о Бетховене оставил нам, как очевидец, характерное описание того подавляющего восторга, который испытал Глинка, услышав впервые 9-ю симфонию в зале Энгельгардта у Казанского моста, где ныне помещается какой-то банк. При этом было бы кстати Вам цитировать это описание Ленца, которое познакомило бы Ваших читателей с отношением Глинки к Бетховену⁴.

*

...Вы выразили желание, чтобы я написал о своем знакомстве с Глинкой, и надеетесь узнать от меня о судьбе его набросков «Двумужницы». Знакомство мое с ним продолжалось недолго. Меня познакомил с ним известный биограф Моцарта Улыбышев в декабре 1855 года вскоре по приезде нашем в Петербург. Глинка был ко мне приветлив, и я к нему приходил преимущественно по утрам, показывал ему тогдашние свои сочинения, в числе коих было и Allegro из Октета (вроде Септуора Гуммеля), которое я и играл в своем концерте, программу коего Вы напечатали. Глинка благосклонно к ним относился, давал мне полезные советы касательно инструментовки. Так продолжалось до его отъезда в Берлин, куда он уехал 27 апреля 1856 г. и оттуда уже не возвращался.

Об «Двумужнице» он не говорил мне, а раз только наиграл 2 темы 1-й части своей симфонии «Тарас Бульба», которая должна была изобразить украинскую степь с «ковыль-травой»⁵. Обо всем этом я, может быть, и соберусь когда-нибудь написать, а пока обращаю Ваше внимание, с Вашего позволения, на дальнейшие недочеты Вашей интересной книж-

сделать точного указания Вам этого, потому что кто-то взял у меня книжку «Записки Глинки» и не возвратил. Я же стлично помню его отзывы о Листе, разговор о котором возбужден был по поводу моей транскрипции трио «Не томи, родимый», которая Глинке нравилась. При этом он вспомнил транскрипцию того же трио Дёлера, которую называл отвратительной, вспомнил также транскрипцию Марша Черномора Листа, о которой отзывался, как о совершенстве удивительном. При этом он рассказал мне, что, желая испытать Листа в чтении партитур, он положил ему на пюльпитр партитуру своей интродукции «Руслана», написанную на бумаге в 24 строки, на которых едва уместились партии оркестра, хора, соло и военного оркестра. Лист, совсем не зная этой музыки, сыграл ее как будто он хорошо знаком с ней, делал правильное выражение где следовало, проявляя то необычайное художественное чутье, которое свойственно только натурам гениальным. Глинка был этим поражен.— Отношение Листа к Глинке также Вами скрыто в Вашей книжке, а между тем, тот факт, что забытого и развенчанного Глинку после неуспеха «Руслана» только благодаря вниманию к нему Листа тогдашнее общество вспомнило, и где только ожидался гостем Лист, туда приглашали и Глинку,— имеет огромную важность.

Рассказывая о знакомстве Глинки с Берлиозом, Вы почему-то ограничились выпиской из его письма к Кукольникову, только о намерении его приняться за сочинение описательной музыки на испанские темы, умолчав о замечательном его отзыве о Берлиозе, как о композиторе. Сколько помню, отзыв его такой: «В драме Берлиоз неестественен, но зато в области фантастического он дошел до такого высокого совершенства, до которого еще никто не доходил».

Эти два отзыва, о которых Вы умолчали почему-то, показывают, что Глинка был тонкий критик, и в будущем издании Вашей книжки желательно, чтоб Вы наполнили этот важный пробел, познакомя читателей с тем, как Глинка мыслил о музыке и о современных ему крупных музыкантах.

Б. А. ФИТИНГОФ-ШЕЛЬ

М. И. ГЛИНКА

Мне пришлось лишь очень короткое время пользоваться возможностью бывать у незабвенного М. И. Глинки, так как он вскоре уехал за границу.

Я был ему представлен и отрекомендован, как ярый почитатель, Даргомыжским. Впечатление, произведенное им на меня, было совершенно исключительное. Под обаянием его бессмертных «Жизни за царя» и «Руслана» я пребывал в его присутствии в состоянии немого восторга и весь превращался в слух. В существующих жизнеописаниях этого гениального композитора так подробно изложено все до него касающееся, что я лишен возможности прибавить к этому что-нибудь новое или существенное на основании личных его отношений ко мне.

Но я берегу, как святыню, в моем альбоме рукопись, которую он мне дал на память. Это отрывок из его «Патетического трио для форте-